

она никакъ не могла опредѣлить, — къ чему ее больше тянетъ, чего больше хочетъ ее душа: мирнаго ли покоя, или бури... И въ то же время ее успокоивала мысль, что теперь она не одна, что есть кому рассказать о своихъ душевныхъ тревогахъ, надѣясь встрѣтить не насмѣшки и непониманіе, а дружескій совѣтъ и участіе.

Часто стала Леночка посѣщать Дѣмида, и съ каждымъ разомъ этотъ человѣкъ, счумѣвшій такъ оригинально освободиться отъ „мірской тѣсноты“, привлекалъ ее къ себѣ все болѣе и болѣе. Его душевный миръ, ясность міросозерцанія, простота идеаловъ благотѣльно дѣйствовали на ея „нетерпѣливое сердце“. Леночка становилась какъ-то покойнѣе, терпимѣе; неровности характера ея сглаживались, бурные порывы къ невѣдомому улегались. Она стала какъ будто примиряться съ дѣйствительностью и внимательно оглядывалась кругомъ; фантазіи ея мало-по-малу разсѣивались. Ту же тѣсноту, невѣжество, нравственную бѣдность видѣла она, но теперь не злобную ненависть возбуждала она въ Леночкѣ, а жгучую жалость и желаніе помочь...

Неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилось это настроеніе, еслибы въ это время совершенно неожиданно не пріѣхалъ дядя.

Мы уже видѣли, какъ они встрѣтились.

Когда первая радость свиданія, подогрѣтая воспоминаніями прошлаго, миновала, — Леночка снова ушла въ свою раковину. Съ грустью и удивленіемъ наблюдалъ Діодоръ за своею племянницей, и скоро долженъ былъ убѣдиться, что прежнее безвозвратно ушло, что нѣтъ больше того искренняго, довѣрчиваго ребенка съ открытою душою, который когда-то радовалъ его и утѣшалъ. Хотя и теперь Лена приходила иногда къ дядѣ, но въ бесѣдахъ ихъ не было прежней задушевности, откровенности, и какая-то тайна легла между ними. Тщетно старался Діодоръ разгадать эту тайну, тщетно искалъ случая заглянуть въ Леночкину душу, — она была непроницаема, какъ чаща Тюрьмы, темна, какъ синія безлунныя ночи. Онъ мучился, терялся предъ Леночкой, и невольная робость сковывала его языкъ, когда онъ глядѣлъ въ эти большіе золотисто-каріе глаза, устремленные на него съ страннымъ выраженіемъ вопроса и недоумѣнія...

Временами Леночка положительно пугала его. Чтò значили ея то задумчивые, то сверкающіе мрачнымъ огнемъ взгляды, ея загадочные вопросы, ея внезапная молчаливость; чтò значили ея гнѣвные вспышки, смѣнявшіяся вдругъ страшною нѣжностью, не